

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жители, слегка испуганные и ничего не понимающие, собирались вдали. Обсуждали что-то громко, друг у друга о чем-то спрашивали, хотя больше других никто и не знал, и мог только предполагать, что произошло, но близко к кварталу, чтобы принести новости остальным, ни один из жителей не подходил, хотя оцепления, вопреки обыкновению, пока выставлено не было. Причина отсутствия оцепления проста — некому было в оцепление встать... Однако и без оцепления желающих получить случайную, а то и не случайную пулю не находилось. По этой же весомой причине жители заперли дома всегда любопытных детей...

Бой, вопреки ожиданиям, затянулся, вызывая еще большее общее недоумение... И автоматные очереди уже не стали такими активными, похожими на одну бесконечную и слегка рваную... Только время от времени вспыхивала активность, потом снова гасла, и непонятно было, что происходит и был ли какой-то результат от предыдущей вспышки...

* * *

Слишком мало было в поселке Железнодорожный собственных сил, чтобы сразу справиться с обнаруженной бандой и ликвидировать ее до того, как банди-

ты сориентируются, чтобы организовать и оказать правильное сопротивление. Больших сил здесь не держали, потому что место считалось всегда спокойным. А бандитов и обнаружили-то совершенно случайно. Два человека ехали на стареньком, со всех сторон помятом «Форде Сьера», и ментовскому старшему лейтенанту Сулейманову, только что вышедшему из своего «уазика», отчего-то вздумалось даже не жезлом, а рукой махнуть, желая остановить «Форд». Он уже дважды за день видел издали эту машину в поселке, не знал, кто в ней ездит, и пожелал полюбопытствовать...

В ответ, пресекая ментовскую любознательность, раздалась жесткая автоматная очередь... Всего-то с нескольких метров... Хорошо еще, что в грудь, прикрытую бронежилетом. Только накануне Сулейманов за вечерним чаем рассуждал о прочности бронежилета со своими товарищами из башкирского СОБРа, такими же командированными в Чечню, как и он.

— Не верю я в эту хреновую тяжесть... Если бы издали, когда пуля на излете, тогда ладно... И, конечно уж, не прямое попадание... Тогда, может, и спасет... А так... Только плечи к вечеру чужими становятся, словно у какого-то грузчика их позаимствовал... — Он плечами пошевелил, словно все еще ощущал на них тяжесть бронежилета. У старшего лейтенанта были очень сильные и даже мощные руки, но худоватые по сравнению с руками плечи, и не широкие, хотя и жилистые, твердые. Сидел он в безрукавной тельняшке, и разница между руками и плечами в глаза бросалась.

— А какого же шайтана тогда носишь... — добродушно усмехнулся его собеседник — кругломордый и

всегда румяный майор Риза Ялаев, размешивающий сахар в кружке с чаем. — Не носи, никто на тебя насильно его не напялит... Каску же ты не носишь...

И майор легонько толкнул ногой валяющуюся на полу тяжелую каску.

Сулейманов усмехнулся и хитро сощурил узкие глаза.

— Я бы и не носил, если бы всегда в упор стреляли... Меня в прошлом году пуля по касательной задела — искры из бронежилета полетели... Обшивка подгорела... Что смеешься?... Точно... Так и было... Может, пуля какая-то особенная... Поджигательная... Подгорела обшивка...

— Из «поджига» стреляли... — сказал старший лейтенант Скобцев. — Я в детстве, помню, любил «поджиги» делать... Трубку загибаешь, в деревянную рукоятку вставляешь, делаешь перед сгибом пропилил. Набиваешь серой от спичек, в пропилил целую спичечную головку вставляешь... Потом коробком черканешь, и стреляет... Счастья было — полные штаны...

— Все делали... — согласился Сулейманов. — Полные штаны счастья, это ничего... Вот если бы полный бронежилет — это тяжело...

И вот на следующий уже день после такого разговора слова старшего лейтенанта сбылись. Он получил очередь в грудь, с близкого расстояния, под прямым углом, не ожидая того в расслабленности последних дней и не успев даже отпрянуть... Его отбросило на капот «уазика» — сила все-таки у пуль немереная, но бронежилет выдержал...

Старший лейтенант Сулейманов встал сразу же. Вернее, не полностью встал, а уверенно занял позицию для стрельбы с колена, одновременно вскидывая автомат из подмышки в боевое положение. Щелкнул предохранитель, лязгнул затвор — всего-то секунда, а «Форд» уже успел добраться до поворота. Сулейманов умудрился все же дать две короткие очереди, стремясь в водителя попасть и так остановить машину, но слишком торопился. В машину попал, но в водителя, кажется, нет. По крайней мере, «Форд» не остановился...

Но место за рулем, несмотря на полученный сильнейший удар в грудь, старший лейтенант занял сразу же. К счастью ментов, бандиты не додумались даже колеса прострелить — боевого и диверсионного опыта, видимо, не хватило. «Уазик» рванул с места, и два других мента — майор Ялаев и старший лейтенант Скобцев, машину так и не успевшие покинуть, тоже приготовились к стрельбе. Скобцев стал связываться по «переговорке» с отделением милиции, чтобы сообщить о случившемся. Связь была отвратительной, с треском таким, что в ушах щекотало, но сообщение передать удалось.

— Преследуйте! — поступил очень ценный совет от дежурного.

— Преследуем... — зло прозвучало в ответ.

Хорошо, что дорога в поселке была традиционная российская, иначе за «Фордом» на «уазике» было бы не угнаться. Есть, значит, польза от наших дорог, и не всегда их ругать стоит... «Форд» впереди швыряло и бросало на выбоинах, било о раздолбанный асфальт и вы-

хлопной трубой, и защитой картера, и амортизаторами, а ментовская машина эти же выбоины преодолевала, хотя и вздрагивая всем крепким и некрасивым металлическим телом, но более легко и даже на скорости. Водитель «Форда» видел преследователей в зеркало, видел их и пассажир, который из окна высунулся и дал неприцельную автоматную очередь. «Форд» из последних сил пытался оторваться, но это не удавалось — российские дороги были на стороне ментов...

Поворот, еще один поворот... Машина скакала по выбоинам вприпрыжку, клацали зубы пассажиров, расстояние стало заметно сокращаться, но скорость снизилась. После очередного поворота менты увидели «Форд» стоящим прямо посреди дороги, но не увидели людей рядом или даже вдали — убедившись, что на машине оторваться не удастся, бандиты заскочили в какой-то из дворов.

Но дворов много, как и калиток, — попробуй угадай с ходу, в какой они ринулись...

Шум немолодого и основательно изношенного двигателя «уазика» не позволил сразу услышать лай собаки. Но автоматную очередь, оборвавшую этот лай, менты все же услышали. Обычно она звучит громче, чем собачий лай. Заскрипели тормоза. Ментов от резкого торможения бросило вперед. Но они этого, кажется, не заметили — быстро выскочили из машины, не доехав до «Форда» двадцать метров. Майор Ялаев заметил человека, местного жителя, высовывающегося из калитки соседнего двора и настойчивыми взмахами руки показывающего на другой двор, через дорогу — именно туда побежали бандиты.

Железнодорожный поселок война пощадила в сравнении с другими такими же поселками, расположенными дальше от границы с российскими областями. Здесь большинство домов были целыми, и жители за своими дворами ухаживали. И с бандитами, как правило, не сотрудничали, потому что были большей частью людьми торговыми и работающими, в отличие от воинственных горцев, не имеющих ни плодородной земли, ни работы и потому издревле промышляющих абрежским промыслом. Первая мысль, которая появилась у ментов, — бандиты хотят взять заложников... Тактика известная и, как правило, приносящая спасение. Если не всегда, то, по крайней мере, во многих случаях...

Если так, то потом дело перерастет в сложный и длительный процесс с осадой и переговорами. И лучше решить вопрос сразу, пока события не стали статичными...

Удар ногой в калитку — металлическая калитка распаивается с болезненным скрипом и леденящим душу лязгом, хотя с петель и не слетает — тяжела и добротна. Но за калиткой видно дом, и дверь в дом за высоким крыльцом, и большой замок на двери... Значит, здесь, к счастью, нет никого. Однако труп большой кавказской овчарки рядом с крыльцом показывал, что бандиты тут все же побывали.

Первым во двор, предварительно кивнув товарищам с просьбой прикрыть его огнем, бросился, пригнувшись, старший лейтенант Сулейманов. Рывок за калитку, стремительный, целенаправленный — к решетчатой деревянной беседке, которая может послужить хоть каким-то укрытием. Пули над головой не свистят — свиста не слышно потому, что выстрелы свист

заглушают. А может, никто и не стреляет навстречу... Майор Ялаев со старшим лейтенантом Скобцевым тоже не знают, куда стрелять, и потому стреляют наугад. Но наугад — это вовсе не значит, что начался массированный расстрел белого света. Всегда примерно можно прикинуть место, откуда чаще всего встречные выстрелы можно ожидать, — угол дома, большие камни во дворе, огораживающие маленький декоративный прудик с растущим в середине островком камыша... О прицельной стрельбе даже думать не надо. Подсознание само подсказывало правильные действия. Летят осколки кирпича от угла дома, со свистом рикошетят и кувыркаются пули, бьющие в камни рядом с прудиком.

Однако встречных очередей нет...

Но вовсе не обязательно, что там, куда пули летят, никто не спрятался. Просто у того, кто спрячется, возможности высунуться для ответной очереди нет. Слишком опасно при таком обстреле высовываться, и это знают все, кто под пулями побывал, и даже большинство тех, кто не побывал и надеется не побывать никогда...

Теперь старший лейтенант Сулейманов, заняв новую позицию, автомат поднял и перехватил цель. Ему угол дома лучше видно, видно и часть того, что за углом происходит. Но именно потому, что он лучше видит, он стреляет меньше. А майор Ялаев теперь свой рывок совершил. И тут прозвучала первая встречная очередь. Старший лейтенант Скобцев сразу определил, что стреляют из соседнего двора через каменный забор, и туда переключился. Пули выбивали из кирпичного забора красную пыль, но пробить его не могли — забор основательный...

Никто не объяснял ментам, почему бандит не поже-

лал убежать подальше. Это сами поняли все трое — если не убежал, если пытается стрелять, значит, здесь, во дворе, остался его сообщник. И бандит его прикрывает, дает возможность сообщнику через забор перепрыгнуть. И, конечно, не обязательно дружеские чувства заставляют его забыть о чувстве самосохранения и подавить естественный страх. Просто в один момент ты прикрываешь, в другой момент прикрывают тебя. Вдвоем отбиться значительно легче, чем одному.

Майор Ялаев позицию занял рядом с собачьей будкой. Собака уже не могла ему помешать... Несколько очередей со второй точки заставили ствол автомата бандита спрятаться. Тогда и старший лейтенант Скобцев рывок совершил. Он свое дело знал хорошо. Скобцев — левша, как стрелок, хотя в жизни все делает правой рукой. Но приклад у старшего лейтенанта всегда в левое плечо упирается. И именно ему, следовательно, надо обходить дом с левой стороны, чтобы стрелять вправо. Без команды старший лейтенант сразу и направился в левую сторону. Около угла на землю упал. Выглянул только рядом с самым фундаментом. Убедился, что там безопасно, и новый рывок сделал — к следующему углу. Бою в городских условиях собровцев обучают лучше, чем солдат. А это целая наука!.. И потому они сразу, без подсказки, выполняют необходимые действия, страхуя друг друга и занимая наиболее выгодную для каждого позицию...

Ялаев и Сулейманов не видели, как старший лейтенант до следующего угла добрался, но поняли это, когда оттуда очередь прозвучала. Одна, потом вторая, потом третья...

— Готов... — крикнул старший лейтенант.

Ялаев с Сулеймановым стремительно к забору бросились. Оба увидели, что позицию для стрельбы и цель они выбирали правильную. Убитый Скобцевым бандит лежал за каменной грядой, которую обстреливал сначала сам Скобцев, потом Ялаев. Рядом большая лужа крови растеклась. Похоже, это был водитель «Форда», и Сулейманов все же ранил его одной из первых своих очередей, а второй старший лейтенант группы добил раненого. Но задерживаться и рассматривать бандита никто не собирался.

Оказавшийся по центру забора майор Ялаев чуть-чуть присел, готовый к активным действиям, а два старших лейтенанта одновременно вскочили на забор с краев. Как и полагается — левша Скобцев слева, Сулейманов справа. И сразу дали вдоль забора по короткой очереди. И только после этого перепрыгнули в соседний двор. Следом за ними и майор через забор перемахнул. Его прыжок совершался уже под прикрытием стволов старших лейтенантов.

В новом дворе собаки не было. Даже застреленной. Но не было здесь уже и второго бандита. А калитка на соседнюю улицу была красноречиво распахнута. Три собровца устремились к ней, ни секунды не теряя. Будь бандит более опытным, он лучше бы сам три секунды и скорость бега потерял, но калитку закрыл. Тогда у преследователей было бы опасение, что беглец во дворе и может встретить их очередью. Пришлось бы снова прикрывать друг друга огнем, отбивать пулями углы дома и совершать короткие перебежки через двор и вокруг каждого препятствия, которое можно использовать как укрытие.

Мелькнуло в окне испуганное женское лицо. Хозяй-

ка заметила, что старший лейтенант Скобцев, снова огибая дом с левой стороны, чтобы не оставить двор не осмотренным, за окнами наблюдает одновременно и глазами, и стволом автомата, и отпрянула в сумрак комнаты. Но старший лейтенант уже успел ее рассмотреть и опасения не испытал.

Первым за калитку выскочил старший лейтенант Сулейманов и умудрился на короткие доли секунды увидеть спину бандита, заскакивающего в другую калитку на противоположной стороне улицы, метров на шестьдесят вправо. Но дать очередь старший лейтенант не успел, слишком мало времени у него было на осмысление ситуации, чтобы за осмыслением последовало еще и действие. Взгляд всегда быстрее любого действия, даже автоматического.

— Там он... — крикнул Сулейманов товарищам и сам побежал к нужному двору, на ходу стреляя в калитку.

Тонкий металл пули не выдерживал — это не каленая легированная сталь бронезилета, старший лейтенант превращал калитку в решето, но пули силу уже теряли и достать кого-то по ту сторону не могли. Понимая, что такая стрельба результата не даст, Сулейманов сразу пересек дорогу и пробежал вдоль каменного основательного забора, обычного в поселке предмета гордости местных домохозяев. Ялаев со Скобцевым, оказавшись на улице, побежали вдоль дороги, стараясь через кусты рассмотреть дом за той самой калиткой, где скрылся бандит. Именно эти кусты и спасли их. Когда распахнулось чердачное окно, оттуда высунулся ствол ручного пулемета, и длинная, только пулемету доступная очередь начала скашивать кусты. Майор со старшим лейтенантом сориентировались мгновенно и

перебежали к тому же забору, что скрывал Сулейманова. Но пулемет уже переключился на другую цель — в дальнем конце улицы появился единственный в отделении милиции бронетранспортер. Впрочем, силы ручного пулемета явно не хватало, чтобы причинить бронетранспортеру серьезный вред. И скоро очередь стихла.

Трое собровцев же уже оказались около калитки. Сулейманов ударил в нее прикладом, распахивая, и вовремя отскочил, потому что навстречу ему раздались четыре одновременные автоматные очереди. Таким образом, преследуя двух бандитов, одного уничтожив, менты оказались лицом к лицу по крайней мере с пятью, один из которых вооружен еще и ручным пулеметом. Соотношение сил изменилось. Однако это не заставило собровцев отступить. Ялаев, не видя, но просто прикидывая, где должно находиться крыльцо дома, одну за другой бросил две гранаты «Ф-1». Осколки мощной гранаты ударили не только в дом, но и в забор, за которым менты укрывались. Полетевшая следом «РГД-5», брошенная Сулеймановым, такого эффекта не дала. Ее алюминиевые осколки, если и прошелестели по стене, то не так звучно.

Автоматы во дворе стихли. Стонов раненых слышно не было, или они после трех гранат уже не могли даже стонать. Но расстояние для броска гранаты было слишком небольшим. Саму гранату увидеть не сложно, и потому бандиты имели время до взрыва, чтобы отпрыгнуть в какое-то укрытие, за угол ли дома или просто залечь за кустом или деревом, а то и просто на веранде, если сама граната упала во дворе. И потому врываться сразу во двор, как это обычно делается после броска гранаты в комнату, было рискованно. Да и спешить уже,

по сути дела, было некуда. Бронетранспортер был уже рядом, разворачивалась башня, а еще через тридцать секунд звучная и весомая очередь башенного пулемета¹ в щепки разнесла и само чердачное окно, и деревянную, украшенную узором из оцинкованного металлического листа стену. Если за окном кто-то и прятался, дожидаясь момента, удобного для атаки, то о здоровье этого человека уже никто не спросит...

С садистским удовольствием сминая придорожные кусты тяжелой резиной колес, БТР въехал на тротуар, надеясь занять такую позицию, которая позволила бы ему стрелять над забором по территории двора. Но забор был слишком высок, и пулемет имел возможность только чердак и расстреливать. Однако это было уже ни к чему, потому что пулемет на чердаке замолчал или был перенесен в другое место.

Тут же открылся боковой люк БТРа, и из машины выскочили четыре мента. Еще минимум двое остались в машине — механик-водитель и пулеметчик. Соотношение сил опять изменилось. Теперь уже девять ментов могли диктовать свои условия бандитам более обоснованно и твердо. А в таком бою, как правило, каждый ствол бывает на счету и может решить исход всей схватки одной-единственной очередью. Главное, чтобы ствол направлялся умелой рукой...

Но тут же, не успели две группы ментов соединить-

¹ На БТРах старого образца, которыми оснащены милицейские подразделения, устанавливались крупнокалиберные пулеметы «КПВТ» калибра 14,5 мм. На новых БТРах устанавливается легкая пушка 2А72, способная использоваться и в качестве зенитного оружия. Это уже более сильное оружие, делающее БТР опасным даже для легкого танка.

ся, чтобы обсудить положение, громко ухнул выстрел из РПГ¹, сразу сваливший на БТР часть стены, что, впрочем, вреда машине не причинило. Но второй выстрел, естественно, последовал бы сразу, как только бандит перезарядит гранатомет. Ждать его недвижимым — сразу подписать себе похоронную...

С башни бронетранспортера опять заговорил пулемет, но пулеметчик не видел, куда ему следует стрелять, и спасти положение не мог. А выбивание кирпичной пыли из стены дома давало мало толку и только много шума. Не растерялся в такой сложной ситуации механик-водитель, резко дал задний ход, отогнав БТР за другой участок забора. Но оттуда пулеметчику было видно еще меньше.

Гранатометчик тем временем гранатомет уже, похоже, перезарядил. Это дело не длительное. И следующий выстрел ударил опять так же мощно. Только теперь уже в проем стены совсем рядом с местом, где прятались, дожидаясь удобного момента для атаки, трое собровцев. Граната, видимо, была кумулятивная, и сразу прожгла в заборе дыру, оплавив кирпичи. Но вокруг дыры из стены пыль поднялась облаком. А целый кусок стены шевельнулся, некоторое время постоял в задумчивости, соображая, где лучше ему находиться, потом

¹ РПГ — ручной противотанковый гранатомет, используется не только против танков. Имеет различные заряды гранат, вплоть до начиненных слезоточивым газом CS. Согласно статистике, за время войны в Чечне 40% потерь в живой силе российской армией получено от поражения РПГ, 30% от стрелкового оружия и столько же от мин и фугасов. Поэтому применение РПГ и подствольных гранатометов всегда эффективно. Гранатометы одинаково применялись и боевиками, и федеральными силами.

медленно свалился под основание забора — цемент в кладке был, видимо, плохого качества.

Быстро среагировал майор Ялаев, чьи румяные щеки совсем покраснелись. Тут же, приподнявшись, бросил последнюю свою гранату «Ф-1» и, пока осколки крошили стену двора и стену дома, стремительно переместился к пролому, начиная стрелять еще до того, как сам сможет рассмотреть внутренности двора.

И только когда осело облако пыли, увидел, что стрелять ему, по сути дела, некуда.

— Ялаев! — окликнул собровца долговязый пермский мент майор Яковлев, только что прибывший на бронетранспортере. — Отлезь оттуда... Сейчас снова долбанут...

И замахал длинной рукой, подтверждая приказ невнятными жестами.

Не «долбанули». Только откуда-то с развороченного, но еще целого чердака легким навесом вылетела граната, ударилась о тротуар, слегка подпрыгнула и, к счастью ментов, сразу скатилась в неглубокую канавку для стока дождевой воды, идущую вдоль всего тротуара. Взрыв прогремел, куда-то вверх вырвались осколки и бетонные края канавки разворотили, но ментов эта канавка спасла.

Но тут же, без паузы на раздумья, прозвучал и адекватный ответ ментов. Мощный пулемет бронетранспортера с треском проломил сбоку, по скату, шифер кровли и внутреннюю обрешетку, открывая и сам чердак, и то, что там делается, взгляду со стороны... Очередь была длинная, и не одна. Через пару секунд активной стрельбы проломилась с треском стропилина, вторая была не в состоянии удержать доставшуюся ей

нагрузку и проломилась тоже, и кровля рухнула, накрывая того, кто гранату бросал. Выскочить он едва ли успел — слишком быстро среагировал пулеметчик. Если залег там же, то бандита или просто придавило, или вообще — пополам разрубило тяжелым колотым шифером... Шиферный лист, падая ребром, быка разрубит... Звуков жизни никто с чердака не подавал.

С чердаком как с огневой точкой было полностью покончено, потому что уже никто не смог бы выбраться через люк наверх, чтобы стрелять оттуда. Бронетранспортер новый маневр предпринял. Быстро выдвинулся на старую позицию, к пролому в стене, и оттуда дал несколько очередей по стене дома, по окну и по двери, выломав и дверь, выбив и окна вместе с рамами, но только оставив следы на стене, не более. Кирпичная кладка была прочной, и пара кирпичей была выбита только из угла дома. Остальные атаку выдержали. И тут же, не дожидаясь, когда бандиты снова РПГ на него наведут, стальной «бронтозавр» резко отъехал, как отпрыгнул, назад, под прикрытие стены.

Боевики пока никак не реагировали на ментовские маневры. Похоже было, что они решили в доме укрыться. Такие дома обычно бетонными подвалами оборудованы. По крайней мере, активности бандиты больше не проявляли. Это, как говорил опыт, означает одно — перевод операции в затяжное русло, в осаду, которая может затянуться надолго, до тех пор, пока какой-то из сторон не подоспеет помощь...

— Людей надо... Иначе уйти могут... — сказал майор Ялаев майору Яковлеву.

— Я двоих на ту улицу поставил... Чтобы страховали... — ответил Яковлев.

Как более опытный и лучше ориентирующийся в местной обстановке — все-таки уже пятый месяц здесь против полутора недель Ялаева, он сейчас командовал в местном отделении. Ялаева специально сюда послали, чтобы плотно вошел в курс местных дел до момента, когда закончится полугодовая командировка Яковлева.

— Мало... Они все направления перекрыть не смогут.

— Пошли своих... — майор Яковлев раздраженно кивнул в сторону старших лейтенантов Сулейманова и Скобцева. — У меня людей нет... В отделении один дежурный остался... На дороге на блокпостах по паре человек... Где я тебе возьму заслон?

— А если не все боевики здесь? А если несколько человек в поселке и готовятся в спину нам ударить? — скорее сам себя спросил Ялаев. По прошлой командировке в Чечню, когда боевики были еще в силе, майор башкирского СОБРа помнил немало моментов, когда удар в спину приходил, казалось бы, в предвкушении победы, которая уже в кармане шевелится...

Долговязый Яковлев, видимо, понял, что краснощекий Ялаев не его спрашивает, и как раз поэтому не счел нужным ответить. Только сдвинулся на шаг в сторону пролома и дал очередь по ближайшему окну...

Со злостью, хотя никого за окном не видел... Но для острастки иногда и такие очереди следует применять. Было даже немного странно видеть, как быстро движется долговязый майор, в обычной жизни вялый и медлительный.

Ответная очередь боевиков прозвучала вообще откуда-то со стороны...

Проснулся старший лейтенант Парамонов.

— Интересно было бы знать, кто мне уши металлоломом загрузил, пока я спал... — проворчал совсем не ворчливым голосом.

— Сколько тонн, Парамоша? Не взвешивал? — поинтересовался майор Паутов. Голос у Паутова густой и грубый, и не всегда понимаешь, шутит он или говорит серьезно, понимает шутку или наивно ловится на нее.

— Полностью загрузили... Весы теперь поставить некуда... — Парамонов демонстративно в свободном от наушника ухе поковырял и поморщился.

Отдельная мобильная группа спецназа ГРУ из рейда возвращалась не вертолетом, как бывает чаще, а на «БМП-2», которую по просьбе командира группы подполковника Разина выслали прямо на дорогу к условленному месту. Погода быть летной обещала только через неделю, а снимать группу следовало с гор, где вообще все полеты затруднены — облака вопреки обыкновению не только за вершины цеплялись, но и сползали, словно таяли, на склоны, образуя густой туман и создавая для полетов нулевую видимость. Потому и пришлось попросить БМП. В рейде всем полноценно выспаться было не дано, поскольку во время темпового длительного марша спать никто не умеет, и потому сейчас офицеры тихонько подремывали, если такое состояние можно назвать подремыванием — не только уснуть, но и задремать в таких условиях было трудно. Боевая машина пехоты дребезжала каждым соединением, словно обещала рассыпаться. Узкие и быстрые гусеницы лязгали и лязгали беспрестанно,

визжали и визжали бесконечно. Двигатель басовито урчал, как голодная собака над неожиданно подвалившей ей костью. Не случайно старшему лейтенанту Парамонову приснилось, что ему уши металлоломом загрузили...

Между тем согласно инструкции в дороге, преодолеваемой без осуществления прикрытия передвигения, все армейские транспортные средства обязаны двигаться со скоростью не ниже семидесяти километров в час, чтобы снизить риск попадания из гранатомета. И механик-водитель старший прапорщик Радимов, любитель, видимо, больших скоростей, изо всех сил старался инструкции придерживаться. Ему именно эта инструкция по вкусу пришлась. Только понимал он ее по-своему. Не ниже семидесяти — это вовсе не значит, что ровно семьдесят один. Восемьдесят километров в час — это тоже не ниже семидесяти. Была бы машина поновее и дорога поровнее, он бы при спуске и за девяносто разогнался. А что касается дребезжания боевой машины, то можно пассажирам и потерпеть. На то они и спецназовцы, чтобы уметь терпеть. Говорят, это главное их умение, которое и делает спецназ спецназом. Терпят усталость, терпят боль, терпят бессонницу... А остальное прилагается... Остальному обучиться можно. А терпение человеку дается от бога...

Вообще-то, согласно тактико-техническим данным, обычная «БМП-2» разгоняется только до скорости в шестьдесят пять километров в час. Так ее стандартная инструкция говорит. Может больше выжать, но это считается опасным. Но если есть приказ, решил старший прапорщик, приказ выполнять следует, потому что

любая БМП тоже является транспортным средством. И попробуйте доказать, что это не так...

Впрочем, спецназовцы почему-то не возражали против оперативной скорости. Только сержант-контрактник Скобочкин, наводчик-оператор, второй член экипажа, беспокойно елозил в своем жестковатом кресле. Похоже, парню не нравилась такая скорость на горных дорогах или он вообще предпочитал неторопливое передвижение.

— Где мы сейчас? — спросил подполковник Разин, как и полагается, занимающий самое удобное место — командирское — в башне БМП, по другую сторону от наводчика-оператора.

— Подъезжаем к Железнодорожному поселку, товарищ подполковник...

Подполковник раскрыл планшетку со слабой светодиодной подсветкой карты. Посмотрел. На часы глянул. Прикинул в уме скорость и расстояние.

— При такой гонке через четыре часа, пожалуй, и на месте будем... Что скажешь, таксист, будем на месте? Через четыре часа... — Разин говорил сурово и, похоже, не спрашивал, а требовал.

— Как прикажете, товарищ подполковник. — Старший прапорщик Радимов, кажется, и таксистом назвался с удовольствием, лишь бы ему не мешали ехать предельно быстро, хотя, в отличие от таксиста, быстрая езда не увеличивала его должностной оклад, а сдельный заработок в армии пока не ввели. Да и интонацию подполковника он понял правильно — подполковник явно спешил быстрее добраться до базы.

Спецназовцы выделили старшему прапорщику свое средство связи — коротковолновую радиостан-

цию ограниченного радиуса действия «Подснежник», состоящую только из маленькой коробочки, помещающейся в карман, наушника, легко прячущегося в ухе, и микрофона на гибком «пальце». Отключив внутреннюю связь БМП, старший прапорщик Радимов радовался, что никто не слышит вздохов наводчика-оператора Скобочкина. А то еще, эти вздохи слыша, спецназовцы подумают, что при такой скорости рискуют не только за четыре часа, а и вообще до места не доехать... Однако старшего прапорщика Радимова радовала откровенная торопливость командира группы. Подполковник, похоже, не пожелает ехать медленнее. А сам Радимов ни в своем мастерстве вождения, ни в способностях боевой машины пехоты не сомневался. Он принадлежал к числу тех счастливых людей, которые сомневаться не любят...

* * *

— Товарищ подполковник!..

И сразу за обращением — визг гусениц... Тормозить БМП умеет, но тормозить на такой скорости при большой общей массе машины трудно и, кроме того, рискованно для здоровья пассажиров, не привязанных ремнями безопасности. Тем более что, в дополнение ко всему, справа, всего-то в двух метрах, обрыв высотой метров в тридцать. И потому старший прапорщик Радимов только притормаживал короткими импульсами, не решаясь остановить машину на полном ходу. Впрочем, полной остановки от него никто и не требовал.

— Вижу... Тревога! Всем — к бою! Таксист... Не останавливаться... Наводчик, готовьсь... — Голос у под-

полковника был вполне деловой, и никаких резких ноток. Он хорошо понимал, что отдает команду не в окопе, а через средства связи. Только вот наводчик-оператор «Подснежника» не имеет. Ему одному приходится говорить громче, чем другим.

Наводчик-оператор Скобочкин припал к прицельной буссоли. Сразу заработали электродвигатели, наводя автоматическую тридцатимиллиметровую пушку.

Подполковник Разин высунулся из верхнего люка с биноклем в руках. Стал рассматривать, что там впереди происходит. Прямой участок дороги выдался на дистанции около километра. И как раз на небольшой высоте. Большая высота облаками прикрыта и плохо просматривается. Здесь же видимость полная. Там, на самом окончании прямой дороги, на повороте перед въездом в поселок Железнодорожный, шел какой-то странный на первый взгляд бой. Около десятка боевиков, может быть, чуть больше, потому что видно было не всех, оставив в стороне под скалой старенький грузовик, неторопливыми перебежками передвигались вокруг блокпоста, который огрызался только редкими короткими очередями. Блокпост был уже полностью окружен с трех сторон, а с четвертой прикрывался крутым обрывом, и боевики правильно определили «мертвую зону» с каждой из сторон, то есть секторы, где обстрел из бойниц им не опасен, и там даже не пригибались, в свою очередь, чуть не играя, словно бы с насмешкой, стреляя по бойницам. А один из боевиков вообще просто, как на прогулке, и так же неторопливо шел к металлической двери блокпоста с гранатометом в руках. Подошел и ногой в дверь постучал. Кажется, и сказал что-то...

— Достанешь? Наводчик... — спросил подполковник, возвращаясь головой в башню, впрочем, хорошо зная, что автоматическая пушка «БМП-2» эффективно стреляет с расстояния более полутора километров. Даже по бронетехнике, не говоря уже о живой силе.

— Без проблем... — Контрактник, похоже, свое дело знал хорошо и в себе был уверен.

— Боекомплект есть?

— Полный... Пятьсот зарядов... И бронебойные, и осколочные... Сначала бронебойные идут... Для разминки...

Разговор не мешал сержанту осуществлять прицеливание. Пушка, попискивая стабилизатором, заговорила на полном ходу, сразу превратив в груды горящего металлолома двигатель грузовика боевиков. Это остановило ленивую атаку на блокпост. Не ожидающие удара со стороны, бандиты, похоже, слегка растерялись. Но ненадолго... Стволы в противоположную сторону развернулись. И гранатометчик вперед выдвинулся, подыскивая позицию. Теперь уже решительно и серьезно. Но с его оружием стрелять можно было только с близкой дистанции. До этого еще было время показать свое искусство наводчику-оператору Скобочкину. А не слишком тяжелые снаряды пушки «БМП-2» несли в себе все же множество осколков, и уже после первых выстрелов ряды боевиков поредели чуть не вдвое. Упал, выронив оружие, и гранатометчик.

Спецназовцы в боевой машине выставили в амбразуры стволы автоматов, но пока не стреляли, потому что боевики не попали еще в зону видимости. Автоматическая пушка снова заговорила. И опять так же удачно. БМП стремительно приближалась к блокпосту. Ав-

томатные пули сначала ударили в корпус, но долго такой бесполезный обстрел не продолжался.

— Тормози... — приказал подполковник Разин.

Теперь скорость была уже не предельно высокой, и БМП остановилась почти послушно. Да и обрыва под боком не было. Старший прапорщик Радимов тормозил уже более уверенно, не боясь заноса.

— К машине!¹ — спокойно и буднично, чуть не шепотом, как привыкли разговаривать друг с другом на операции спецназовцы, прозвучала команда. — Четверо пытаются уйти в поселок... Трое... Одного с блокпоста сняли... Догнать... И... уничтожить...

Последняя команда прозвучала после незначительной паузы. Видимо, подполковник сначала хотел приказать захватить пленного, но быстро сообразил, что возня с пленным задержит группу в поселке надолго. А даже старший прапорщик Радимов заметил, что подполковник почему-то очень спешит на базу.

С противным металлическим лязганьем распахнулись задние люки-дверцы. Все спецназовцы, кроме командира — восемь офицеров, сидящие в тесноте, потому что «БМП-2» предназначена для десяти человек вместе с экипажем, а везла одиннадцать, выскочили на дорогу так быстро, словно страстно желали как можно скорее затекшие ноги размять. Шестеро сразу устремились в погоню, только двое — штатные снайперы, посмотрели боевикам вдогонку и сняли чехлы с прице-

¹ Согласно воинским уставам, в армии не существует команды «по машинам» или «из машины», как нам постоянно показывают в кино. Обе эти команды заменяются одной — «к машине».

лов «винторезов». Старший лейтенант Парамонов и лейтенант Сокольников не торопились. Снайперам нельзя торопиться, потому что при торопливости дыхание сбивается и руки, случается, подрагивают. Они даже прицеливались спокойно и с ленцой. Но стреляли быстро. Так быстро, что их товарищи не успели и тридцати метров пробежать, как вынуждены были остановиться. Преследовать больше было некого.

— Тела к блокпосту перенесите... — распорядился Разин, покидая БМП и направляясь к тому же блокпосту.

Металлическая дверь, побитая пулями, но не битая, уже распахнулась, и навстречу спецназовцам вышли два мента — старший лейтенант и лейтенант.

— Ну, вовремя вы... — сказал старший лейтенант.

— Что здесь такое происходит? — спросил все же Разин холодно, и радости своим спасенцам не показывая. — В войну играете?..

— У нас тут, товарищ подполковник, заварушка в поселке. Бандиты нашу машину обстреляли. После преследования бандитов блокировали в частном доме... Ну, как блокировали... Там, дежурный говорит, силы почти равные... Почти блокировали, значит... Сил не хватает... С двух блокпостов по два человека сняли, по паре только оставили. А тут к боевикам помощь откуда-то двинула... С двух сторон... Нас вот вы выручили... А с той стороны блокпост гранатометом взорвали... Сейчас два «уазика» в сторону центра поселка движутся... Помочь бы надо...

— А ваши все где? — сердито спросил Разин.

— Все там... В отделении только один дежурный остался. Через него связь держим...

— Помощь запросили?

— Запросили... — за старшего лейтенанта лейтенант ответил. Молодой и злой, как сам подполковник. — Обещали часа через три прибыть... Вертолеты сегодня не взлетают...

— Карта поселка есть? — спросил Разин.

— У нас нет. Только в райотделе...

— Мы же здесь, помнишь, три года назад операцию проводили... — из-за спины подполковника сказал майор Паутов. — Я ориентируюсь...

— Я тоже помню... — сказал Разин. — Выстрелы услышим — вот и ориентир. Поехали... А вы... — Он обернулся к ментам. — Автоматы соберите, гранатометом вооружитесь... Держите дорогу, чтобы еще кто не провалился...

* * *

— Гони, таксист...

Старшего прапорщика Радимова уговаривать было и не надо. Гонять он умел, кажется, лучше всего в жизни. И погнал... В поселке, правда, скорость снизить пришлось. Вдруг кто-то на дороге не вовремя выскочит... Но притормозил тоже не сильно. Люди у своих ворот стояли уже у крайних домов. Прислушивались к происходящему в центре. Провожали БМП вопросительными взглядами, добротой, впрочем, не наполненными.

Подполковник Разин из верхнего люка высунулся по грудь. Так выше вероятность услышать стрельбу и сориентироваться. Но ориентироваться пришлось на другое. БМП въехала в поселок по центральной улице, пересекающей Железнодорожный от одного края до другого, но по достаточно изломистой линии. И уже